

Анастасия Хорошилова

Упражнения

Для своего нового проекта Анастасия Хорошилова снимала российских солдат, демонстрирующих приемы рукопашного боя. Пять одиночных изображений и два триптиха крупного размера; объективная манера съемки, естественный свет и цвет; корректно скромное название. Проект лишен как пацифистски-критических, так же как и ново-имперских интонаций. Пафос в нем есть, но иного рода.

Хорошилова говорит, что первым импульсом к работе ей послужили впечатления от древнегреческой вазописи с распространенными в ней сюжетами битв богов и героев. В рамках той же культуры возникла и категория *пафоса* (греч. pathos – страдание), подробно разработанная в эстетике Аристотеля. Страдание (проистекающие от смерти или же других трагических событий) выступает результатом собственных действий персонажа, подверженного сильной страсти, и должно вызывать у зрителей со-страдание или страх, разрешающихся в катартическом переживании. Поскольку античные эстетические "формулы" проходят через всю историю европейской культуры, то совершенно не удивительно, что их смутные подобию просматриваются и при изображении любых сцен насилия в современных информационных медиа. Другое дело, что эмоциональный накал нынешних фото и видео-образов почти что стерт их массивным присутствием в нашей жизни. К тому же война сегодня перестала быть символом высокой трагедии, превратившись в синонимом грубого насилия, а пафос стал характеристикой напыщенного, нарциссического поведения, вызывающего у нормального зрителя разве что чувство стыда, и уж точно не катарсис. Проблема однако в том, что изживание пафоса в современно визуальном творчестве вряд ли можно рассматривать как однозначное достижение. Сменившая его ирония, конечно же, избавила искусство от множества ложных интонаций, но вместе с этим лишила его важнейшего энергетического ресурса, тем самым ослабив эмоциональный контакт с публикой.

В "Упражнениях" мы видим попытку восстановления нормального положения дел. Фотографический реализм здесь соединяется с двойной условностью действия. Мы наблюдаем *инсценировку боевого тренинга*, целью которого является совершенно реальное уничтожение противника. Иначе говоря, исполняемые героями проекта "страстные действия" лишены самодостаточной театральности, наделены грубой прагматичностью, отчего за рутинным "армейским перформансом" и угадывается будущая трагедия. Диалектика, заключенная в натурном материале полностью отвечает характерной для Хорошиловой этике и технологии рабочего процесса. Открыто постановочная съемка фиксирует фазы инсценированного ради корректности этой съемки действия, сама же инсценировка точно передает процесс отработки приемов рукопашной схватки. Ну а эти последние максимально приближены к боевой ситуации – совершенно так же, как технологически оправданная фотографическая постановка к "документальной правде" жизненного материала.

Если бы мы имели дело со съемкой "мертвой природы", то в подобном сочетании инсценировки и документальности не было бы ничего необычного. Однако в данном случае нам дан образец *прямой постановочной фотографии*. Достаточно редкий для отечественной

практики, в которой преобладают либо программно нарушающая нормы привату эстетика "случайного снимка", либо стильность форсированно постановочного кадра. Только вот античная гармония по-прежнему остается недостижимой. Все-таки современная фотография это не древнегреческий театр, и атрибутом ее вечно длящегося мгновения выступает не *катарсис*, а *саспенс*.